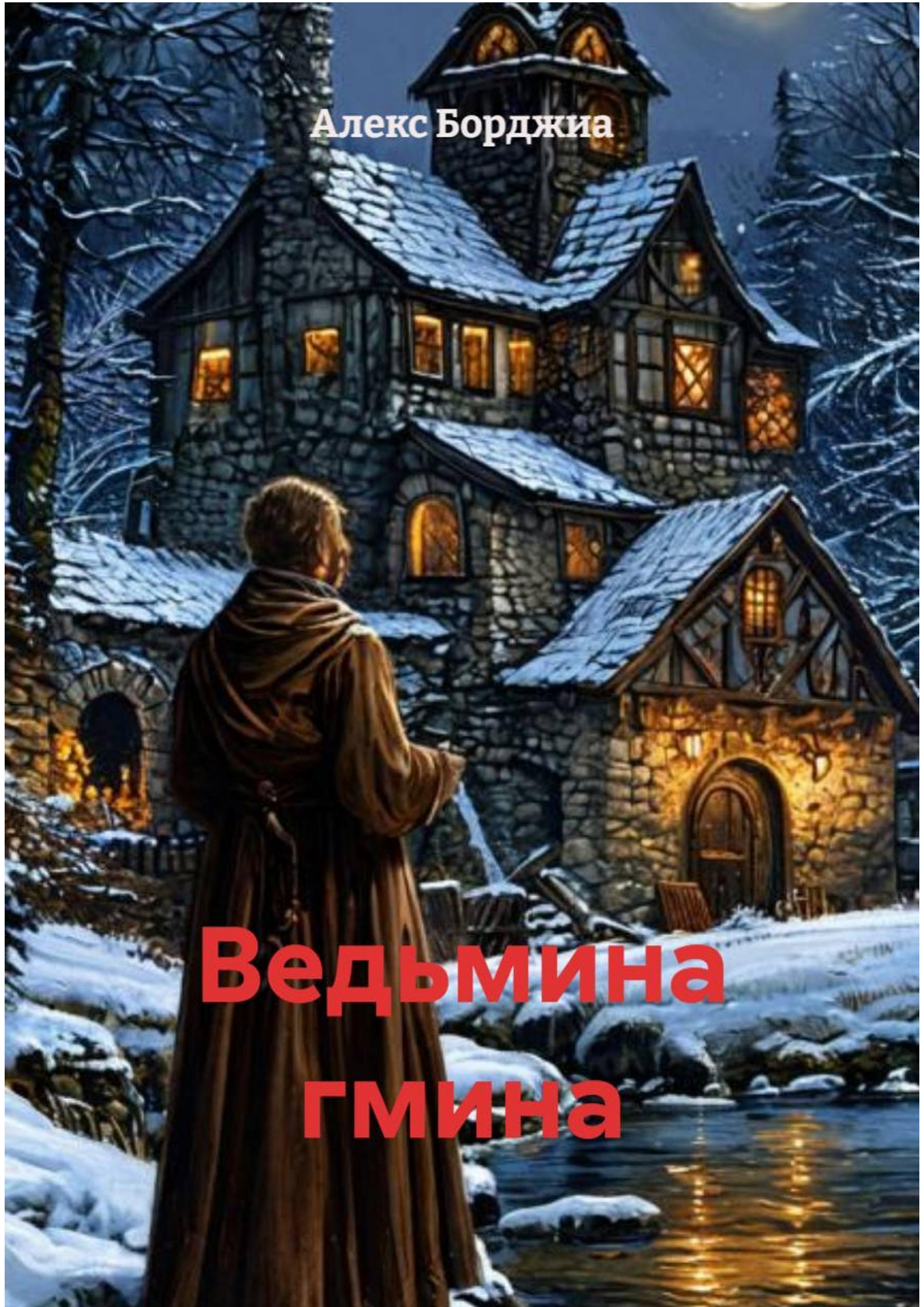

A detailed illustration of a medieval-style stone house with a clock tower, set in a snowy forest at night. The house has multiple windows with warm, glowing light, and a small arched entrance. A man in a brown robe stands in the foreground, looking towards the house. The scene is reflected in a small stream in the foreground.

Алекс Борджиа

Ведьмина гмина

Алекс Борджиа

Ведьмина гмина

«Автор»

2026

Борджиа А.

Ведьмина гмина / А. Борджиа — «Автор», 2026

Середина XVIII века, в глухом селении живёт богатый пан, вассал, владелец водяной мельницы. По отношению к своим крестьянам он снисходителен, великодушен и щедр. Но однажды пожилой пан возвращается из путешествия по Европе вместе с молодой и красивой женой. Девушка оказывается очень вольна и неосмотрительна в своих связях с мужчинами. Пан становится злобен, скрытен и подозрителен, а его желание удержать жену заставляет пана пойти на радикальные меры и связаться с нечистой силой. Когда в селении начинают происходить ужасающие вещи и у селян пропадают их дети, они обращаются к священнику своего прихода. Он тут же берётся за расследование, которое приводит его к заговору в высших эшелонах церковной власти и заставляет окунуться в ирреальный мир, где гаснет любая здравая мысль и начинается территория, подвластная влиянию тёмных, демонических сил, превративших священника лишь в пешку в своей игре.

© Борджиа А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алекс Борджиа

Ведьмина гмина

Глава

От автора

Существуют ли ведьмы и колдуны?

Мы уверены, что они были, есть и будут.

На смену тёмной средневековой безграмотности, которая порождала суеверия и предрассудки, пришло тотальное образование, благодаря чему человечество сделало шаг в мир технологий и научных открытий. И это было неизбежно.

Казалось бы, что подобная чепуха, как магия и чародейство давно уже опровергнуты и не вызывают у по-настоящему просвещённых и эрудированных людей ничего, кроме улыбок.

Да вот только когда любой человек, пусть он даже великий учёный, подходит к той самой черте, за которой уже чувствуется дыхание смерти, неизбежной для всего сущего на земле, то он вдруг сразу же вспоминает о Боге, той силе, которая движет планетами и олицетворяет всё живое и неживое во всей Вселенной. Тот же самый учёный, профессор и агностик идут в церковь и всё, к чему они когда-то относились, как к вещам, не подтверждённым научными экспериментами, а значит и существующим лишь иллюзорно в подсознании не совсем образованных людей, становится для них здоровым поиском смысла прожитой ими жизни. И понимая, что его скоро ожидает неизбежный конец, даже у закоренелого атеиста возникает вопрос: «А вдруг?»

Никто не хочет, просто взять и исчезнуть, будь он хоть трижды образованным человеком.

Однако каждый для себя открывает Бога по-своему и для этого не обязательно идти в религиозный храм, будь то пагода или православная церковь, католический собор или мечеть. Но факт, остаётся фактом, рано или поздно любой живущий на земле человек задумывается о Нём, и о своём месте в том новом мире, в который он всё же тайно надеется попасть после смерти. И так или иначе, вере в Бога, каким бы кто его не представлял, всегда будет сопутствовать вера и в Сатану. Это две составляющие силы всего мироздания, как земля и небо, вода и суша, космос и звёзды.

Но то, что создал один, всегда стремится уничтожить другой. Извечная борьба добра и зла.

Так было, так есть и так будет.

И не дай Бог нам всем испытать силу и власть: «змия древнего, который есть диавол и сатана» (откр. 20,2)

Аминь.

1 глава

Лютая январская стужа сковала льдом эту затерявшуюся в Великопольском воеводстве речушку так крепко, что четверо смельчаков двигались по её извилистому руслу без малейшей опаски. А смелыми их можно было назвать уже потому, что опустившаяся на землю ночная мгла усугублялась снежным бураном и заунывным воем волчьей стаи, бродящей в недалёком лесу.

Но группа храбрецов, казалось, не обращала никакого внимания на все эти явления природы и животного мира.

Петляя по изгибам и лукам реки, отряд упёрся в плотину из каменных валунов, оплывших огромными ледяными наростами.

Уложенные в несколько ярусов мегалиты служили барьером запруды для водяной мельницы. Вот только сейчас она не могла действовать и с нетерпением ожидала весеннего ледостава, когда голубой лазурный поток вновь приведёт в движение её водяное колесо.

Свернув к береговому откосу, люди начали карабкаться по нему вверх. Ступая по сугробам след в след, отряд вскоре вышел к весьма технологичному строению. Оно напоминало средневековую крепостную башню: та же идеальная форма, тот же вал перед входом и ров. Только вместо подвесного моста над рвом раскинулась деревянная переправа на мощных подпорках. Огромное, вмёрзшее в лёд водяное колесо походило на некий, нарушающий идеальную архитектуру здания, излишний элемент. Впрочем, как и нагромождение стоков для воды, труб и опор. И всё это было замечено снегом.

В нескольких окнах башни теплился дрожащий жёлтый огонёк.

Один из путников подошёл ко рву, запрокинул к небу голову, и, перекрестившись, ступил на мост.

Группа из четырёх человек, как это не необычно, не стала стучать в огромные двери и извещать жильцов дома о своём присутствии, а почему-то сразу направилась к конструкциям сложного мельничного механизма.

Словно уже не раз проникая сюда подобным путём, люди уверенно нырнули в едва заметный проход между стеной и колесом.

Вдоль вала тянулись мостки. Огромные каменные жернова обвивала змеей узкая, каменная лестница. Она уходила как вверх, так и вниз, откуда странным образом лился тусклый свет и доносилось чьё-то невнятное глухое бормотание.

Спустившись в подвал, отряд оказался перед массивной железной дверью. Она была чуть приоткрыта.

Явный лидер отряда сразу скинул с себя капюшон, чем обнажил свою тонзуру и неспешно распахнул объёмный овчинный кафтан. Под ним у священника, на шёлковом сутажном поясе с кистями, висел ритуальный нож с треугольным лезвием, напоминающий богослужебное копие. Обхватив костяную рукоять ножа так крепко, что его пальцы аж щёлкнули и побелели, священник направил свой пылающий взор на странное действо за железной дверью.

Тут надо сказать, что местность, где всё это происходило исторически являлась ведьминской. Печальной известностью она стала обладать ещё в замшелые века. Те самые, от которых и берут свои начала пересказы о колдунах и нечистой силе. Когда единственным верным средством от их чёрной магии являлось сожжение на костре или утопление. И не всегда эти казни сопровождались судами так называемой инквизиции. Невежество, суеверия и страх перед неизвестными напастями в виде таких болезней, как чума или оспа и нехватка знаний из-за недостатка образования, объединяли тогда сельские общины гораздо сильнее в этих своих действиях, чем даже войны и феодализм. А память поколений не так-то просто стереть из генетического кода потомков.

Однако в данном конкретном случае не стоит осуждать этих четверых людей, оказавшихся сейчас в подвалах старого дома.

Пан мельник Якуб Мынаж действительно уже давно внушал всей округе такой суеверный страх и ужас, что местное население считало его чуть ли не прародителем вселенского зла. И на то имелись веские причины.

Появился он в гмине лет двадцать назад. И лишь немногие старожилы помнили его в образе того гусара, который в поисках лучшей жизни, после отгремевшей тогда войны, искал себе пристанище в здешних краях. Всё было на тот момент при нём; ретивый конь с расписной попоной, красивый, шитый золотом доломан. На свои воинские накопления служивый приобрёл тут старую мельницу, восстановил её и стал зажиточным местным паном. При всём при том снискавшим авторитет расточительного богача, у которого многие поначалу не стеснялись

даже брать денег взаймы и молотить зерно со своих посевов в долг. Наняться же на мельницу батраком в сезон уборки урожая, считалось большой привилегией.

Но вот из очередной поездки, а пан частенько любил выезжать за пределы гмины, привёз себе мельник жену. Девушка была моложе пана лет на двадцать пять. А благодаря своим иноземным чертам лица, сильно отличным от обликов местных уроженок, она сразу породила среди местных мужчин кучу тайных поклонников и обзавелась завистницами у их потенциальных невест.

Уж больно любила пани Мынаж верховые прогулки по утрам и вечерам. И всех, кому встречалась она на своём пути, поражала её нездешняя, невероятная красота; золотые огненно-рыжие кудри, ясные зелёные глаза и пунцовые губы с надменной, но притягательной улыбкой. Поэтому в селе сразу появились и другие любители променада в то же самое время, когда гуляла она. И поползли нехорошие сплетни о невероятной любвеобильности девицы. Будто и муж ей не муж, так как долга супружеского исполнять не желает или же в силу своих преклонных лет уже и не может.

Но самым страшным и непонятным последствием для молодых людей, после их тайных встреч с пани, являлось нападавшее на них безумие. Юноши либо заканчивали жизнь самоубийством, либо гибли при весьма странных и невыясненных обстоятельствах. И вскоре парни стали чураться встреч с девушкой, а её прогулки по окрестностям вмиг прекратились.

Пан Мынаж превратился в затворца, стал скрытен и нелюдим, больше не путешествовал. Да и с благотворительностью покончил. Мельница заглохла и её хозяин больше никому не давал работу. А если селяне и встречались с паном случайно на улице, то отмечали его угрюмый вид, серость лица, неразговорчивость и злобный недружелюбный взгляд.

Любовь и ревность может иссушить любое, самое благородное и доброе сердце, если они начинают постепенно съедать человека, пока не превратят его в то опасное существо, каким и стал, по мнению местного населения, пан мельник.

Первые слухи о его желании удержать возле себя жену красотку с помощью ворожей, к которым якобы он обращался, не вызывали ничего кроме улыбок. Зато приезжающие к пану по ночам незнакомцы, стали первыми отголосками сплетен и кривотолков. Пока одна из старушек не разнесла по округе весть, что к пану являются вовсе не простые гости, а самые настоящие маги и колдуны.

Откуда сама старуха их знала? Похоже, никого в гмине это не интересовало. Издавна, чуть ни в любом селе имелись знахари и ворожеи. И местные страждущие к ним всегда беззазорно обращались. Но к пану мельнику, в отличие от таковых, люди начали относиться враждебно и с большой опаской.

Если кто-то посмотрел на пана в тот момент, когда он проезжал через деревню и потом этот человек заболел или вовсе умер, значит, как считали, тут имел место явный признак сглаза и колдовства. И это в то время, когда по всей Восточной Европе бушевали эпидемии, где в больших городах сжигали трупы умерших целыми штабелями. Население гмины редко покидало свои селения в силу нищеты и ненадобности, тогда как пан, как раз и мог привести с собой в этот тихий, уютный, закрытый уголок разные смертельные болезни, от которых тогда ещё не имелось никакого спасения. Так что формально, люди были правы обвиняя его.

Нашла туча во время сборки урожая? Это пан куражится, за ради забавы.

Была у пана и пара работников на хозяйстве, которое состояло из птицы, коров, да кроликов. Но будучи молодыми и неженатыми, и они не избежали чар панской жены. Одного батрака как-то нашли бродящим по окраинам села в бредовом состоянии, и он так и живёт сейчас у отца и матери, полностью потеряв рассудок и пребывая теперь в постоянной любовной эйфории. Несчастный всё время улыбается, как умалишённый, скачет, размахивая при этом руками, и говорит, что он то птичка, то бабочка. Глаза его стали широки и безумны, и мужчина

повторяет одно и то же: что она его любит, ждёт и скоро позовёт к себе. Кто эта «она» было не трудно догадаться. Парень стал обузой для родителей.

Второго работника пан изгнал сам, но вернувшись в родительский дом он не прожил даже полугода, как иссох и умер при весьма странных обстоятельствах.

И тот и другой случай, естественно сыграли не в пользу мельника. И так, постепенно, вошло в привычку: даже в малейших бедах своих и напастях обвинять старого мельника, что никто уже и не помнил, каким он был до своей женитьбы и сколько делал людям добра.

Усугублял статус колдуна пан Мынаж ещё и тем, что вокруг его мельницы часто видели диких зверей; то волчью стаю, а то и медведей. Они беспощадно задирали скот на выпасе и собак у их пастухов. Поэтому местное население стало считать, что не иначе, как колдун этими зверьями управляет и специально призывает их к себе на подмогу, дабы отвести от тех мест всех любопытствующих. А таких было не мало.

Ни раз возле мельницы замечали подозрительных всадников в чёрных одеждах. Они не посещали дом пана, а лишь крутились возле него, словно ведя наблюдение. Кем они были, какую цель преследовали и куда потом скрывались никто не знал. Но встречи с ними люди избегали.

Иногда с мельницы доносились и странные звуки. Некоторые люди сравнивали их со смехом разгульных девиц, приглашённых на шабаш, другие же утверждали, что так ревёт и просит о помощи его несчастная молодая супруга. Зато легко можно было распознать яростный собачий лай, визг дикой свиньи и даже козлиное блеяние, вызывавшее у людей особый, суеверный страх. И если в чём-то на счёт мельника мнения людей расходились, то в одном уверены были все и бесповоротно. Он самый, что ни на есть, настоящий колдун.

Последними каплями людского терпения стали внезапные и таинственные исчезновения девочек отрочиц. Пусть и с последующим их возвращением через разный промежуток времени. Бывало, что ребёнок отсутствовал дни, а случалось, что и недели. Причём пропажи происходили даже когда дети собирались для всеобщих забав большой и шумной толпой. Мальчишки же потом наперебой рассказывали перепуганным родителям всякие небылицы. То они сообщали о появившейся из кустов змее, обвинившейся вокруг ног девочки и исчезнувшей вместе с ней в песчаном вихре, то выдумывали о появившейся неизвестно откуда хромой старухе с клюкой, которая хватала девочку за руку и нагло уводила с собой, что-то нащёптывая при этом ей на ухо. Кстати, старуха в историях детей фигурировала чаще всего.

Подобные случаи участились и детей стали прятать. Как мальчиков, так и девочек. Но ни смотря на все принятые меры предосторожности, чаще всё равно недоглядывали.

Одна несчастная женщина, потерявшая мужа после продолжительной болезни, лишилась в один из дней и своей единственной дочери. Белокурая девочка десяти лет, словно птичка, вспорхнула и исчезла, хотя ещё минуту назад мать слышала её звонкий смех у самого дома. Увидев чёрную дымку, летящую в направлении проклятой мельницы, женщина безрассудно кинулась следом за ней, но нагнала её лишь тогда, когда эти туманные очертания скрылись в верхнем зарешечённом окне каменного строения. Женщина якобы даже рассмотрела образ своего ребёнка.

Жители всех близлежащих к мельнице домов до самой полуночи слышали причитания матери и её мольбы, обращённые к колдуну с просьбой вернуть ей дитя. Но не только глухо оказалось его сердце к этим просьбам, а и свершило очередное злодеяние. В этом были уверены все жители деревни, когда не нашли несчастной женщины ни у неё дома, ни возле мельницы. Она просто пропала.

Пошли предположения о том, что мать бросилась в ров, дабы покончить жизнь самоубийством, так как не в силах была пережить боль от утраты мужа и единственной дочери. А кто-то допускал, будто сам колдун приложил к её исчезновению свою руку.

Да, дети возвращались после многодневного отсутствия домой, но становились совершенно другими. И в этом состоял весь ужас происходящего.

Последнюю такую группу детей обнаружили ранним утром местные пастухи, гнавшие скот на выпас. Держась за руки, девочки вынырнули из раkitных зарослей на берегу реки и прошествовали до своих домов настолько спокойно, словно возвратились с обычной прогулки.

Впоследствии они никогда ничего и никому не рассказывали о своём исчезновении. И даже никто из их родителей не смог выпытать у детей, где они находились всё это время. От девочек осталась узнаваемой лишь внешняя оболочка. Внутренне и поведенчески они полностью изменились.

Домашние животные так и вовсе чурались таких детей; собаки всячески сторонились их, скулили и жалобно лаяли, коровы бодались, а лошади покрывались пеной и испуганно ржали. Да и с родителями девочки порой вели себя настолько странно, что неизменно пугали оных своими безумными выходками.

Так, некая мать-одиночка поведала, что обнаружила свою тринадцатилетнюю дочь ночью на пшеничном поле. Стоя на коленях в круге из погнутых необъяснимым образом коло-сьев, девочка произносила вслух какие-то заклинания.

Отец другой похищенной, но вернувшейся девочки, рассказал, как его дочь теперь с удовольствием наблюдает, когда он к обеду тащит из клетки кролика на разделочный стол или петуха на плаху. И что он даже застал её за попыткой совершить с домашней живностью нечто подобное, проявив тем самым явные садистские наклонности.

Нередко, девочки, пережившие похищение, посещали старое сельское кладбище. Люди видели, либо как они на него заходили, либо как они оттуда возвращались. Но свои вылазки на погост дети совершали строго в полнолуние и только в вечернее время суток. Отчего у самых смелых свидетелей их прогулок никогда не возникало желания проследить за ними и разузнать, чем же дети там занимаются? Даже дворовые псы в эти дни жались к хозяйским ногам и жалобно скулили, трусливо поджав свои хвосты.

Обратившись в городскую управу к властям, местные жители вызвали у чиновников лишь недовольство и усмешки.

Те, кто имел такую возможность, переселялись по-тихому в другие гмины. А кто не мог покинуть родное село, стали искать помощи в костёле.

Городской ксёндз, преподобный отец Вит, терпеливо выслушал своих напуганных прихожан и ничуть не смутившись, не заподозрив их даже во всеобщем помешательстве, безоговорочно решил им помочь. Правда, он предупредил, что обязан всё-таки провести своё собственное расследование. И прихватив послушника семинариста, отправился выполнять ту самую миссию, ради которой возможно и существуют все священники на земле.

Много ими было опрошено переживших похищения девочек отрочиц из той округи, но ни одна из них не смогла ответить ксёндзу, где она находилась во время своего отсутствия дома. Зато каждая девочка удивляла его своим отрешённым от внешнего мира видом и нежеланием разговаривать. Родителям оставалось только смириться с новым поведением собственных детей, и, умываясь слезами от горя, обвинять во всём пана мельника. Появившиеся недавно на дверях его дома и на оконных наличниках надписи на непонятном никому языке, лишь закрепили всеобщее мнение о чародействе пана. Ведь никто даже не видел, как и кем эти надписи наносились. А главное, не знал, с какой целью.

Заручившись поддержкой двух священников, часть населения подошла к имению мага и осыпая его проклятиями на разный лад, стала провоцировать на выход из собственного дома. В конце концов одно из окон отворилось и высунувшееся в него бледное лицо старого пана вызвало своим появлением ещё больший гвалт и недовольство людей.

— Панове, люди! — воззвал неожиданно мельник грубым, но сорвавшимся голосом. — Прошу вас, оставьте моё жильё и меня в покое. Не верьте тем, кто оскверняет имя честного католика клеветой и наветами!

Остолбенение толпы от слов, сказанных человеком, которого боялись и ненавидели абсолютно все, было таким внезапным, что над долиной резко повисла звенящая тишина. Но простояла она недолго и через пару минут обвинения в колдовстве нескончаемым потоком вновь обрушились на старого пана. Даже ксёндз и его послушник не могли ничего с этим поделать.

— Нет, панове! Ошибаетесь вы, — резко возразил народу старый пан, — не похищал я ваших детей. Но если это успокоит вас, то скажите всем, кто ещё блуждает в потёмках собственных заблуждений, не будет больше ничего подобного в ваших краях. Это я обещаю. Идите с миром.

Однако реакция на данное изречение оказалась обратной. Слова мельника люди восприняли, как признание в их бедах и народ начал швырять в него камни, коих валялось вдоль рва перед домом превеликое множество. Тогда мельник исчез за окном и наглухо захлопнул ставни. Их створки снаружи оказались исписаны кабалистическими знаками и венчались огромной шестиконечной звездой, напугавшей даже ксёндза. Священник перекрестился и отступил вместе с послушником за разъярённую толпу. И неизвестно сколько времени ещё всё это могло продолжаться, если бы резко не подул странный ветер. Он поднял такую позёмку, что засыпал людям все глаза песком, окружив каждого человека маленьким смерчем. Побросав камни, всполошённая толпа в ужасе бросилась в сторону деревни. А едва поспевающий за бегущими людьми ксёндз со всей силы сжимал свой нательный крест, наступая на пятки послушнику семинаристу.

Оставшиеся в местном приходе в маленькой старой церквушке на окраине села священники всю ночь напролёт слушали вой и женский плач, доносившиеся со стороны мельницы. Наутро они собрали у себя в костёле совет местной дружины из добровольцев, где решался вопрос о выдворении пана Якуба Мынажа из селения. Да и вообще из ближайших краёв.

Ксёндз предлагал не только изгнание нечестивца, но и его пленение, для дальнейших разбирательств на епископском суде. Прямо во время обсуждения этого вопроса в костёл ворвались несколько человек и сообщили о невероятном явлении.

— Пока вы тут заседаете, дьявол оградил своего слугу от наших посягательств и сокрыл его огненным кольцом!

Ничего не понимая священник и все собравшиеся в костёле выбежали на улицу. С высокого холма в ярком свете дневного солнца было хорошо видно, как вокруг мельницы сомкнулись лучи светила, образовав радужные столпы. Однако издали трудно было понять; то ли это оптическое явление, вызванное отражением солнечного света от воды, заполнявшей ров у мельницы, то ли там и вправду творилось нечто сверхъестественное.

— Что будем делать, преподобный отец? — тихо поинтересовался у ксёндза послушник семинарист, юноша лет девятнадцати, с весьма проницательным взглядом и смазливый лицом.

— В колокол! — ответил торжественно священник, взмахнув рукой. — Поднимайся на верх и звони в колокол.

Молодой человек не заставил себя долго ждать. Подобрал чёрную сутану он кинулся в костёл и по шаткой старой деревянной лестнице влетел на самый верх колокольни, зазвонив оттуда на всю округу.

2 глава

И вот, прошли уже три месяца с тех самых событий. Нет, никто не изгнал мельника из села. По увещанию священника, преподобного отца Вита, люди не стали врываться в жильё колдуна или разносить его дом по камушку, как предлагали тогда многие, народ просто дал священникам время на разбор ситуации и принятие ими правильного решения. Да и суеверный

страх перед магом был довольно серьёзным сдерживающим фактором для и так напуганного люда.

Благо, за эти три месяца в селении никто из детей не пропал и ни один человек не умер даже от болезни.

Ксёндз же читал всё это время нужную литературу и основательно готовился к новой встрече с дьявольским злом. А в том, что пан мельник таковым злом и является, он нисколько не сомневался. Особенно после общения с похищенными детьми.

Все девочки, по его мнению, находились, не иначе, как под бесовской властью и священник был готов бороться за их души, не щадя своей собственной. Тем более, по слухам от прихожан из того селения, на мельнице в последнее время, с ночи до утра, кто-то постоянно выл и стонал, заставляя жителей покрепче запирать засовы и вселяя в их сердца суеверный страх.

Во время епархиального синода были обговорены все детали будущего мероприятия и избраны его исполнители. Среди них, конечно же, главенствующую роль занял ксёндз Вит. Его помощником назначили бывшего послушника семинариста, прошедшего рукоположение и ставшего уже диаконом, именуемым теперь преподобным Марексом, к которому отец Вит относился, как к собственному сыну и на чьей кандидатуре настоял лично. Так же, с подачи ксёндза, были благословлены на столь опасное дело двое смельчаков-добровольцев из местной общины, не раз бывавших на мельнице и имевших с колдуном свои личные счёты. У обоих пропали дочери, которые так и не вернулись домой.

Вся группа получила епископское напутствие и защищающие от нечистой силы церковные атрибуты: серебряные чётки, кресты, святую воду и облатки. Но главным оружием обладал ксёндз Вит, пополнивший свои знания специальными молитвами против колдунов и ведьм, а так же вооружённый теперь копием Агнца. Ни тем самым конечно, но выкованным монахами по всем правилам и не раз использованным во время таинств евхаристии.

В назначенный день священники выехали в своей старенькой карете в село. Вместо кучера экипажем правил один из назначенных добровольцев, второй же селянин сопровождал их верхом.

Прибыв в село вечером на закате, дабы не вызывать к себе лишнего интереса со стороны любопытного населения и остановившись в местной церквушке, все четверо стали ожидать наступления глубокой ночи. А чтобы сгладить волнение от ожидания, ксёндз Вит сподвиг участников их святой миссии горячо молиться.

Несообразные и смешанные чувства вызвала бы картина, представившаяся любому, кто зашёл в это время в старенький храм. При тусклом, дрожащем свете оплывших свечей, три человека, больше походивших на призраков, преклонив колени перед алтарём, бормотали молитвы. А над ними, у большого покосившегося распятия, стоял ксёндз и вполголоса читал акафисты из ветхого требника.

Но странности этого действа сопровождались и иными событиями, происходящими с недавнего времени за стенами храма.

Ни во время поездки, ни по прибытии в село на улице не было ни ветерка, лишь придавливал лёгкий морозец, а в закатных лучах солнца дивно искрился выпавший на неделе пушистый снег. Но лишь светило зашло за горизонт, а в костёле разнеслись молитвы, как сразу гулко завывла вьюга и снежные вихри стали задувать в щели старого готического витража над входным порталом. А вскоре порывы ветра так возросли, что сомкнутые деревянной задвижкой створки дверей заходили ходуном, будто кто-то снаружи настойчиво в них стучался и наваливаясь всем своим весом желал вовсе снести с петель.

Ксёндз Вит и трое его сподвижников невольно прекратили молитвы и уставившись на двери выжидали время. Уговор был выдвигаться после полуночи. Так и сделали. Именно тогда мы их и застали в начале нашего повествования.

Застыв у проёма преподобный отец Вит долго вглядывался в происходящее за железной дверью, чем невероятно нагнетал нарастающее волнение всех заговорщиков. Первым не выдержал молодой диакон, коснувшись локтя ксёндза. Вздвогнув, священник дал возможность заглянуть в щель остальным.

Если бы они не увидели то, что предстало их взорам, лично, ни за что не поверили, будто такое возможно.

Огромное подвальное помещение походило больше на ритуальный зал, освещаемый светом множества факелов, над каждым из которых стены были увенчаны черепами быков и коз. При этом жёлтое пламя создавало из их теней настоящих рогатых монстров, пляшущих в дрожащем от сквозняков огне.

Прямо посреди зала находился каменный пьедестал, покрытый пурпурным покрывалом. На нём возлежала полунагая красавица с золотыми волосами. Её одеяние, некогда весьма недурное, почему-то превратилось в сплошные лохмотья. Руки и ноги девушки были вытянуты, как при колесовании и привязаны к вбитым железным крюкам. Вокруг ложа, исписанного кабалистическими знаками, стояли несколько длинных свечей, образующих на потолке чёткие теневые очертания каменного ложа, уместающегося в нарисованном на нём красной краской кресте. У самого изголовья пьедестала находился аналой с толстой книгой, которую несвязно, но громко читал пожилой мужчина с большой головой и седыми прядями. Своим широким приплюснутым носом он чуть ли не задувал пламя стоящего на аналое светильника и испытывая явные трудности в чтении, водил толстым пальцем над строчками открытой перед ним книги.

Одет мужчина был в серую рубаху с красным воротником и узкие штаны с золотыми лампасами.

— Пан Мынаж собственной персоной, — прошептал один из местных, прямо над ухом священника. — Интересно, на каком языке написана его книга, вроде бы это не латынь?

Возникшее поначалу замешательство, от увиденного здесь, прошло тогда, когда лежащая на каменном ложе девушка вдруг пошевелилась. Затем последовал её надрывный истошный стон. Жертва стнала всё громче и жалобней, пока пан Мынаж не прекратил чтение. Только тогда она умолкла и вновь попыталась освободиться от связывающих её пут, весьма нескромно несколько раз изогнувшись. Все присутствующие при этих движениях мужчины не могли не отметить насколько стройно и соблазнительно было её тело. А вот лица пленницы рассмотреть не удавалось из-за наложенной ей на глаза широкой повязки.

— Изверг, — процедил молодой диакон, сжав кулаки, — преподобный, неужели мы станем и дальше терпеть его издевательства над этой несчастной замученной женщиной.

— Она его жена, — доложил один из сельских мужчин. — Только все уже давно считали её погибшей.

— «Так, каждый из вас, да любит жену свою, как самого себя», — процитировал одно из посланий святого писания диакон Марек.

— «А жена да боится мужа своего», — закончил библейское изречение ксёндз.

— Но не избиением своим муж должен добиваться от жены покорности, — заметил диакон.

— Без сомнения, — отозвался ксёндз. — И медлить больше действительно нельзя.

Распахнув резким движением дверь, он первым ворвался в подвальное помещение. От неожиданности пан Мынаж уронил книгу с аналая на пол и отступил к другому выходу. Но двое молодых мужчин вмиг оказались возле него и, заломив мельнику руки за спину, стали вязать их. Пан заревел от боли и досады, выпучив огромные глаза на своих проворных пленителей.

— Покаяйся несчастный в своих грехах и веди себя смирно, — обратился к нему ксёндз, касаясь лезвием копья его темени и заставляя тем самым встать по принуждению на колени.

Диакон Марек тем временем уже обрезал путы, удерживающие конечности прекрасной девушки. Но она оказалась настолько слаба, что не могла подняться с каменного ложа без посторонней помощи.

— Смертные, вы ещё не знаете с кем связались, — высоко задрав подбородок, прохрипел пан мельник. — Все ваши потуги смешны и напрасны, ибо зло, обитающее здесь, неистребимо. Вы все сгинете в геенне огненной за глупость вашу и моё пленение.

И, то ли от травмы при задержании, то ли от поднявшегося давления, из его широкого носа ручьём полилась на пол кровь, быстро образуя там багровую лужу. Но, несмотря на это, пан резво поднялся с колен и, удерживаемый двумя крепкими мужчинами, злобно оскалился.

— Пусть будет по-вашему, — сказал он, глядя ксёндзу прямо в глаза, — доверяйте же поскорей своё дело, святой отец.

И он вывернулся так, что копие священника уткнулось ему прямо в сердце. Пресвятой отец Вит даже отдёргнул руку с оружием в сторону.

— Я благодарен Богу уже только за то, что он не позволил мне окропить эту пику человеческой кровью, — торжественно произнёс священник. — Ведь убийство даже чародея и веротступника, накладывает несмываемый грех на душу любого человека. Будь он хоть самым кардиналом или папой. Да свершится правосудие земное над вами так, как этого требуют каноны церкви и тогда возмездие станет законным. Накиньте на него что-нибудь из одежды и уведите пока в церковь, — обратился отец Вит к мужчинам. — Да смотрите, чтобы не дай Бог не бежал. Затем, пусть один из вас вернётся для осмотра дома, а другой — останется стеречь пана мельника.

Перекрестив себя и пленника, он широким жестом указал на дверь, ведущую внутрь дома.

— Как она? — спросил он о девушке у молодого диакона, хлопотавшего вокруг неё.

— Очень слаба, — ответил тот, поддерживая её голову и стягивая с её глаз жуткую чёрную повязку, под которой пряталось лицо настоящей красавицы. — Видно пан мельник держит её здесь довольно давно. И причём впроголодь. У бедняжки совсем нету сил разговаривать и тем более ходить.

— Да, несмотря на факелы, сырость и холод тут поистине невероятные, — заметил отец Вит, оглядывая внимательно подвальное помещение и ёжась от стылости.

Заметив лежавшую на полу книгу, которую так тужился читать мельник, он поднял её и быстро перелистал.

— Гм, — нахмутив свои кустистые брови, хмыкнул священник.

— Что там, преподобный?

— Сразу не разобраться. Но судя по гравюрам и пиитическому порядку строф, это сборник каких-то заклинаний.

Засунув книгу за пояс, ксёндз направился к выходу и, не оборачиваясь, дал указание молодому диакону взять девушку на руки и следовать за ним.

3 глава

Когда двое мужчин повели пана мельника на улицу, то согласно указаниям отца Вита они задержались в вестибюле дома, чтобы найти в гардеробном шкафу хоть какой-нибудь тулуп для пленённого. Однако почувствовав ослабшую хватку державших его рук, пожилой мужчина, от которого никак не ожидали такой прыти, одним резким рывком освободился из них и очутился у входной двери. Точным ударом ноги он поднял засов и громко рыкнув выскочил на улицу, моментально растворившись в ночи.

Сколько потом молодые люди не рыскали близ дома и мельницы, найти её хозяина им так и не удалось. Снежная буря моментально заметала все следы и ограничивала обзор на расстояние вытянутой руки. Крупные белые хлопья жёстко стегали по щекам двух растерянных горемык, встретивших друг друга с пустыми руками на переходном мосту.

Ничего не оставалось делать, как вернуться в дом и сознаться ксёндзу в своей оплошности, позволившей так неожиданно улепетнуть колдуну.

Преподобный отец Вит как раз осматривал гостиную, а диакон по-прежнему хлопотал возле жены мельника, когда к ним ворвались замёрзшие и запыхавшиеся двое молодых людей.

Новость о побеге хозяина дома вывела священника из себя.

— Несчастные, вы даже не ведаете что натворили своим ротозейством! — отчитывал он их на все лады. — Теперь нам придётся быть вдвойне осторожнее и опасаться мести этого проклятого колдуна. А что я скажу епископу?! Где нам теперь искать пана Мынажа?!

— Его руки связаны и он слишком легко одет для такой погоды, так что далеко не уйдёт, — попытался успокоить ксёндза один из мужчин. — Утром, лишь буря утихнет, я подниму на его поиски всё население нашей гмины. Мы найдём его!

Однако эти жалкие попытки сменить гнев отца Вита на милость не увенчались успехом.

— Глупцы! Это же сам «нечистый» ворожит, чтобы дать возможность колдуну скрыться.

И он до самого утра, пока бушевала за окнами буря, отчитывал двух мужчин, совершивших по его словам непростительный проступок.

Во время обыска в доме мельника никаких порочащих его как колдуна, вещей обнаружено больше не было. Особое разочарование испытали сельские мужчины, напрасно надеясь напасть хоть на какой-нибудь след своих исчезнувших дочерей. Да и вообще, несмотря на видимую зажиточность пана Мынажа, обстановка в его доме была весьма скромной, не сильно-то и смахивающей на быт зажиточного помещика.

— Похоже, что единственным местом его злодеяний являлся подвал, где он так бессовестно истязал собственную жену, — констатировал молодой диакон, осмотрев все комнаты дома.

Только одно помещение не удостоилось тщательного осмотра, это спальня пани. Её легко можно было распознать по особому утончённому интерьеру. Но рыться в дамском шифоньере, комоды и трельяже не позволил себе ни один из четырёх мужчин.

Когда за окнами просветлело, а снежный буран стал утихать, ксёндз распорядился, чтобы кто-нибудь из сельских добровольцев, участвовавших в неудачной поимке колдуна, подал к мельнице его карету, оставленную у костёла. Теперь в ней предполагалась транспортировка жены мельника в город.

Во-первых нельзя было её оставлять одну в этом доме, во-вторых девушка нуждалась в помощи. И не только по уходу, но и в защите от сбежавшего мужа, который мог в любой момент вернуться и расправиться со своей женой, как того желал ранее. А спасение христианской души является первостепенной задачей ни только священника, но и всех честных людей на свете.

В ожидании транспорта диакон Марек нашёл в гардеробе несколько женских тёплых вещей, в которые с величайшей осторожностью, словно это была фарфоровая кукла, замотал молодую пани. А так же сгрёб ворох повседневной одежды в небольшой сундук, чтобы взять его с собой, дабы девушке потом было во что переодеться.

Пани Мынаж находилась в прострации и не могла самостоятельно передвигаться. Несколько раз она открывала свои огромные глаза, и её зелёные, словно изумруды, зрачки прожигали диакона неизвестным ему дотолем огнём. Сердце молодого мужчины, хоть и не принадлежащего более самому себе, а отданного навечно служению богу, почему-то сразу билось сильнее, а в груди не хватало воздуха для дыхания.

Когда к мельнице подъехала карета, диакон сначала отнёс в неё женские вещи, а затем попытался донести до транспорта на своих руках и саму девушку. Однако очнувшись и испытав неловкость пани Мынаж попробовала дойти до кареты сама. Но лишь она ступила на пол, как тут же вскрикнула и упала обратно в объятия Марек. Идущий следом за ними отец Вит вдруг воскликнул:

— Боже, да у неё в пятах иглы!

И действительно, положив девушку в карету и осмотрев её стопы, диакон тоже заметил торчащие в них костяные иголки. С большой осторожностью, молодой священник вытянул их и, осенив себя крестным знаменем, сразу выкинул в снег. У несчастной пани тут же вырвался стон облегчения.

«Вот я олух, что не осмотрел её ноги. Ведь про обувь-то я совсем забыл», — пронеслось в голове у молодого священника, замотавшего девушке теперь ноги в снятый с себя овчинный тулуп.

Управление каретой вновь взял на себя один из тех сельских мужчин, который участвовал в поимке колдуна.

Путь в город пролегал через поле и лес. И хотя уже всюю занималось утро, солнце по-прежнему скрывалось за толщей молочных туч, а не утихающий ветер поднимал снежные вихри, искать в которых сбежавшего пана было делом абсолютно бессмысленным.

— Ничего, как только успокоится эта буря, я соберу целый отряд добровольцев и мы с ними обыщем всю ближайшую округу, — заверил ещё раз преподобного отца Вита один из сельских мужчин. — Найдём, никуда он от нас не денется. Тем более, сейчас не лето.

— Ну, ну, — помахал недоверчиво головой священник, залезая в карету. — Организуйте лучше круглосуточное дежурство на мельнице и если колдун вновь попадётся, свяжите его освящённой верёвкой, которую мы оставили. И не предпринимая никаких действий, что очень опасно для несведущих в таких делах людей, сразу посылайте за мной, — посоветовал он напоследок.

Прорываясь сквозь вьюгу и иногда буксуя в снежных заносах, пара гнедых уносила старенькую скрипучую карету всё дальше от поселения. Миновав поле, самую трудную часть пути, она въехала, наконец, в лес. Здесь заносов было поменьше, но даже накатанная санями колея постоянно петляла, словно запутанная шерстяная нить и не давала лошадям как следует разогнаться.

Ксёндз всю дорогу молчал и, нервно теребя застывшими пальцами чётки, смотрел в мутное дверное оконце. Его молодой помощник сидел напротив и держал на плече качающуюся в такт неровностям пути голову пани Мынаж. И если бы преподобный отец Вит не был так занят своими мыслями, и посмотрел хоть раз на своих пассажиров, то заметил, насколько жадные и недвусмысленные взгляды бросает молодой диакон на девушку.

Неожиданно снаружи раздался громкий звук, похожий на выстрел, и заржавшие от испуга лошади резко остановились. Дверь кареты отворилась и прыгнувший с козел мужчина сообщил:

— Кажется, впереди засада. Будьте начеку, святые отцы, у нас тут и разбойнички иногда пошаливают.

Но лишь только он выхватил из-за пояса охотничий нож, как откуда-то из окружавших их лесных тущоб послышался грубый мужской голос.

— Отдайте мне мою жену, нечестивые глупцы и можете проваливать дальше!

Без сомнения кричал пан мельник. Но откуда? Направление определить не представлялось возможным из-за многократного эха.

— Боже, правый, — вздрогнув и перекрестившись, проговорил взволнованный диакон, — да это же сам колдун пришёл за своей собственностью. Но откуда он тут взялся?

— Я понял, — смело делая шаг вперёд и всматриваясь в гущу окружавших их ельников, сказал сельский мужчина. — Этот удалец скорей всего скрылся в одном из охотничьих зимовий, вот почему мы его не нашли. Ведь эти земли принадлежат ему и кто, как не он, знает здешние места. Ну, а просчитать наши действия не составляет никакого труда. Тем более, что дорога в город одна. Каков мерзавец!

Преподобный отец Вит всем своим видом источал спокойствие, в отличие от своего помощника. Он медленно вышел из кареты и, схватившись за рукоять пики, стал так же внимательно осматривать лес.

Словно устыдившись своей минутной трусости, диакон отстранил от себя девушку и вышел следом за ним, подыскивая глазами подходящую палку для обороны.

Прогремел ещё один выстрел и опять из ниоткуда разнёсся крик пана.

— Оставьте девушку на снегу прямо здесь и езжайте своей дорогой! Тогда вас никто не тронет!

— Отдать человека на погибель, ради спасения своей собственной жизни, не подобает христианину, — прокричал в ответ отец Вит. — Нет! Мы этого не сделаем!

— Что ж, вы сами выбрали свою участь.

Вслед за этими словами последовал очередной выстрел и пуля просвистела прямо над головой диакона. Но молодой человек был уже непоколебим, и казалось, что ничто не может напугать его, как вдруг, через минуту-другую, по всей округе разнёсся жуткий, протяжный и леденящий душу волчий вой.

В отличие от окриков пана, этот вой не просто отразился по лесу эхом, а и поднялся ввысь, вместе с гулом ветра, запутавшись где-то в верхушках раскачивающихся со скрипом деревьев.

За плотным хвойником послышалась рыскатня и звериный рёв хищников. Казалось, будто все волки леса окружили нерадивых путников.

— Похоже, что колдун призвал к себе на подмогу силы зла. Это они окружили нас. Будем сражаться, — процедил ксёндз, скидывая капюшон и выхватывая копийё.

Но волчий вой резко перерос в дикое рычание и грызню. Словно стая напала на крупную добычу, которую рвала теперь своими щёлкающими на весь лес клыками.

Тут же за ельником послышались возня и крики. Вот только голосил явно человек, а не лось или кабан.

— Быстро, все в карету! — скомандовал резко сельский мужчина, чуть ли не заталкивая в неё растерявшегося ксёндза и его помощника.

Засвистел хлыст и лошади яростно рванулись вперёд. Диакон даже ударился головой о заднюю стенку и невольно ухватился за девушку. Её стон привлёк его внимание и он увидел, что губы девушки бессвязно что-то бормочут. Похоже несчастная впадала в лихорадку.

Слегка придерживая пани, чтобы она тоже не ударилась от бешеной скачки понёсших лошадей, Марек ещё долго вслушивался с замирающим сердцем в раздававшиеся позади них рыки и заунывный вой серых лесных хищников.

4 глава

После всего произошедшего уже не оставалось сомнений в том, что пани Мынаж нуждается в надёжной охране. И лучшим местом для этого был избран приходской дом священников, расположенный на территории городского костёла.

Сам храм стоял на окраине административного центра Великопольского воеводства. А примыкающее к нему кладбище и раскинутый за ним парк, делали данное место достаточно одухотворённым и тихим, ведь за всем этим антуражем начиналось покрытое тёмными лесами взгорье. Именно поэтому никакой городской суеты здесь поблизости никогда не возникало, не считая крупных церковных праздников или похорон. Для отпевания покойников, между костёлом и приходским домом располагалась небольшая часовня усыпальница.

Так называемый дом причта был одноэтажным, но с высокой, остроконечной крышей и двумя башенками по углам, которые венчались крестоцветами. Несмотря на криволинейную выпуклость здания, в его архитектуре всё же преобладало явное готическое превосходство. Дом вмещал в себя как несколько бытовых помещений; канцелярию, ризницу и трапезную, так и комнаты для проживания священнослужителей. Всего их здесь имелось четыре. По одной

комнате занимали ксёндз и молодой диакон, две другие комнаты сейчас пустовали и лишь иногда предоставлялись приезжающему сюда из столицы епископу и его свите. Службы прихода состояли всего из нескольких человек; клирика Георгия, весьма почтенного возраста старика, мальчишки алтарника Янеша, церковницы пани Коханки и пары дворовых работников, выполняющих функции истопников, конюхов и умелых подмастерьев вообще.

— Дабы не вызывать ненужных слухов и домыслов у прихожан, пани следует тщательно оградить от встречи с людьми, — строго предупредил диакона отец Вит.

Хотя тот и так понимал это, а потому, прежде чем перенести девушку из кареты в приходской дом, внимательно осмотрел округу в поиске нежелательных свидетелей. Лишь старуха церковница встретила их за порогом причты, но в её молчании можно было не сомневаться.

Комната пани Мынаж оказалась в самом конце галереи. И так как строение являло собой вид полумесяца или той же подковы, то никто никогда не видел друг друга, когда покидал свою келью. Отсюда и проистекал весь аскетизм их внутреннего убранства; кровать из досок с сенным тюфяком, столик с лампадой, стул и сундук для всякого скарба. Под самым потолком находилось стрельчатое оконце. Его заиндедевские снаружи стёкла, изнутри покрывала копоть от сложенной в углу каменной печи, полностью исключая попадание дневного света даже в погожий денёк. Торчащая из печи железная труба пронизывала испачканный толстым слоем сажи сводчатый потолок.

Однако для пани, которую с большой осторожностью сюда занёс и положил на кровать диакон Марек, это было сейчас единственным местом где она могла чувствовать себя в полной безопасности. Исключительной неприятностью стало падение креста, висевшего над изголовьем и юркнувшего между стеной и спинкой кровати. Диакон решил, что девушка зацепила распятие каскадом своих рыжих волос и неловко будет с его стороны отодвигать кровать прямо с ней. Хотя сам сразу несколько раз перекрестился и мысленно попросил у Господа прощения для них обоих за данный казус.

Закутанная в меховой зипун пани Мынаж по-прежнему дрожала от холода и иногда томно постанывала. Но усилиями молодого священника в печи вскоре застрекотали промороженные дрова и студёный воздух помещения быстро стал прогреваться. На столике появился кувшин с церковным вином и кусок свежиспечённого хлеба.

Открыв свои большие глаза, девушка увидела перед собой молодого человека примерно её возраста, облачённого в мятую, немного испачканную сутану. Пристальный взгляд пусть и священника, сильно смутил пани. Хотя и от неё не ускользнуло, вспыхнувшее румянцем лицо юноши. Правда, лишь только он начал нервно теревать воротник, вроде как поправляя вставленную в него колоратку, этот отличительный знак всех католических священников, ему, наконец, хватило духу объяснить девушке то, как она сюда попала и почему какое-то время ей придётся побыть в этом месте.

— В противном случае, пани Мынаж мы не ручаемся за вашу безопасность, — заключил он. — Естественно вы вольны уехать отсюда в любое время. Но ваш супруг, коего мы к большому сожалению упустили, может поджидать вас где угодно, дома или у лесной дороги, без разницы. Ведь не зря он пытался отбить вас у нас. Да и вам не помешает набраться сил. А здесь, в этих стенах, помимо защиты, я обещаю должный за вами уход. Когда же мы поймем вашего мужа вы нам понадобится, как свидетель его злодеяний и колдовства.

Девушка прикрыла руками лицо и кашлянула. Затем сказала:

— Даже не знаю, как благодарить вас преподобный, извините уж не ведаю вашего сана, за моё спасение.

— Диакон Марек, — представился молодой человек, чуть не срывая колоратку от волнения.

В этот момент он пытался вспомнить хоть какую-то молитву, чтобы мысленно повторять её при их разговоре, но память ему странным образом изменяла. А ведь молитва — это возно-

шение ума Богу, и невозможность её произнести значило лишиться своего разума. Более того, молодой человек не мог совладать и со своим сердцем, которое отчего-то бешено колотилось, когда девушка говорила. Её голос затекал ему в самые потаённые уголки мозга и пронизывал каждую клеточку его тела.

Спасение пришло неожиданно.

— Похоже, самое время оставить пани в покое и дать ей отдохнуть, — прервал их беседу появившийся на пороге кельи ксёндз. — Если она конечно более ни в чём не нуждается, — и он многозначительно, но строго, посмотрел на диакона.

— Нет, нет, святой отец, — отозвалась пани, привстав и мотнув отрицательно головой, отчего её огненно-рыжие волосы колыхнулись, как крона дуба при порыве ветра, — я ни в чём сейчас не нуждаюсь.

— Те ваши вещи, которые мы смогли найти в вашем доме и захватили с собой, я положил в этот старый сундук, — указал диакон девушке, и смиренно опустив голову вышел из помещения вслед за отцом Витом.

— Останешься пока за меня, — сообщил неожиданно ксёндз. — Я же отправляюсь к епископу. Надо решить, что делать с женой колдуна и как изловить её мужа.

— Но ведь девушка не является нашей пленницей? — осторожно спросил диакон.

— Нет, но она важный свидетель и знает о своём супруге колдуне то, во что присяжные синода могут просто не поверить. К тому же она наглядное доказательство его жестокости. Не стоит забывать и о пропавших детях.

— Но ведь они вернулись.

— Да, — кивнул головой отец Вит, — но какими? Епископ потребовал от меня пофамильный список всех похищенных девочек. Ведь странности в их поведении, после этого возвращения, объяснить непросто. И думается мне, что без дьявольских ухищрений здесь не обошлось. Я составил эти списки, по крайней мере внёс в него фамилии тех девочек, с кем общался лично и везу их теперь Его Преосвященству. Но самое главное, пани Мынаж живая приманка для колдуна.

— Да разве мы смеем так поступать? — возмутился неожиданно диакон. — Следует ли мне понимать, что я должен держать эту девушку здесь, как невольницу?

— Ты правильно меня понял, — бесстрастно кивнул ксёндз. — Отпускать пани Мынаж пока не следует. Оказывай ей необходимую для восстановления её здоровья помощь, но заставь остаться в стенах причты, хотя бы до моего возвращения.

— А долго ли вас не будет?

— Думаю, не более чем с неделю. И учти, — и ксёндз, повернувшись к молодому человеку, загадочно посмотрел на него, — будь осторожен с этой пани.

— Не понимаю, — отведя глаза, пожал тот плечами.

— Ну, ну, — похлопал отец Вит своего помощника по плечу. — Главное помни, что тут дом Божий и ты более не принадлежишь себе. Проводить мессы тебе поможет наш клирик отец Георгий и ризничий Янеш. Он хоть и совсем мальчишка, но очень богобоязнен и смыслён. Думаю отдать его потом в семинарию. Полагайся на них во всём. Георгий знает о девушке всё. Священное копие я оставил на сохранение ему.

— Значит, вы мне не доверяете?

— Если, не дай Бог, вам придётся воспользоваться этим орудием, то нет, — честно ответил ксёндз. — Ты ещё слишком молод. Прости.

И отец Вит по-отечески поцеловал юношу в лоб, после чего перекрестил и с тяжёлым вздохом вышел из причты на улицу, где, как оказалось, его уже поджидал экипаж: всё та же старая карета с крестами на дверцах, запряжённая парой церковных кляч с впалыми боками.

Проведя вечернюю мессу, во время которой мысли диакона блуждали далеко от этого священного ритуала, преподобный Марек отправился к их новой гостье.

Ветер к тому времени уже стих окончательно. На улице сразу заметно потеплело, отчего снег стал серым и рыхлым, а от земли до неба плотной завесой поднялся тяжёлый сырой туман. Где-то за околицей разрывалась от лая стая бродячих собак.

В опустившихся сумерках в причте светилося лишь окно трапезной, где хозяйствовала церковница пани Коханка. Она была не просто набожной женщиной, а настоящей фанатичкой. Её побаивался здесь каждый. В церковной ризне она начала служить задолго до появления тут отца Вита. Хотя поначалу, когда только ксёндз был распределён сюда священным синодом, женщина почему-то сама очень пугалась его; избегала прямых встреч со священником и тщательно закутывалась в свою чёрную рясу. Что многих очень удивляло. Но новый ксёндз сразу чётко определил для себя границы дозволенного в обращении к мирянке.

Хотя старуха была не так проста и о ней ходили слухи, что она может даже наводить порчу или иную мору, что никак не сочеталось с её столь воцерковлённым образом жизни. Зато облик старой пани, как раз таки больше напоминал ведьминский. Согбенная, низкого роста старушка всегда носила чёрную монашескую рясу до пят и прихрамывала на левую ногу. Из апостольника у неё торчал длинный крючковатый нос, а лицо напоминало сморщенную прошлогоднюю картофелину с чёрными маленькими глазами, укрытыми дугами мохнатых седых бровей вразлёт. Да и то, чтобы её рассмотреть, надо было очень постараться. Старуха постоянно пряталась под глубоким капюшоном, будто стеснялась собственного вида. И даже отец Вит, никогда толком не видевший её лицо, частенько приговаривал: «Неужели эта женщина действительно думает, что ей надо от меня так кутаться, будто я соблазнусь ею. Поистине — это смешно».

Приготовив вечерний обед церковница обычно незаметно и тихо уходила к себе в городскую квартиру.

Молодой человек почему-то вдруг вспомнил, каким странным, то ли злобным, то ли подозрительным огнём вспыхнул взгляд старухи, когда он на своих руках занёс девушку в причту. Поэтому увидев в трапезной свет, диакон попросил клирика отца Георгия отвлечь набожную стряпуху разговорами о пустом, дабы та не уследила, куда Марек пошёл. Ведь одному Богу известно, что церковница могла бы подумать.

Замешкавшись возле дверей пани и от волнения облив свечным воском дрожащие пальцы, молодой человек осторожно постучал в её келью. Он желал узнать у пани не нуждается ли она в чём-то, не голодна ли и хватит ли ей тех дров, которые он принёс, до утра.

В келье раздалось шебуршение и нежный девичий голосок что-то пролепетал. Диакон вошёл в тёмное помещение озарив его своей единственной свечой. Пани лежала на топчане в совсем другой одежде, выбрав что-то более подходящее из тех вещей, которые ей прихватил Марек из её дома. В печке ещё теплился огонь.

Странно, но диакон опять ощутил невероятно стыдливое чувство перед девушкой и вновь потерял память на все молитвы. Такая закономерность в её присутствии начинала его уже пугать.

Увидев, что ни к вину, ни к хлебу пани не прикасалась, молодой священник даже немного расстроился.

— Вы не притронулись к еде? Отчего?

— Нет аппетита, — прошептала рыжеволосая красавица. — Но пусть вас это не беспокоит. До утра ещё далеко, а я плохо сплю. Лучше зажгите фонарь и подбросьте дров в печку.

Когда Марек выполнил просьбы девушки, то при более достаточном освещении кельи от лампадного фитиля, он заметил на каменном полу жирные бурые пятна крови. Словно кто-то давил клопов. Содрогнувшись от увиденного, молодой человек сразу вспомнил, как вытаскивал из пят пани Мынаж длинные иглы. Его взгляд тут же невольно упал на её ноги, но они оказались сейчас полностью под его тулупом. «Бедняжка, как же она должно быть страдает. А я-то дурень совсем об этом забыл», — пронеслось у него в голове.

Однако девушка, будто прочитав мысли молодого человека, сообщила, что чувствует себя совершенно нормально. При этом она улыбнулась такой обворожительной улыбкой, что молодому диакону захотелось сразу откланяться.

— Тогда позвольте оставить вас, пани.

И не учтиво, а почти бегом, он покинул девичью келью и направился в трапезную, вспомнив, что и сам ещё сегодня ничего не ел.

Клирик Георгий ещё был там, но уже один.

— Наконец-то, — вздохнул он. — А то видите ли я уже начал волноваться.

— А что случилось? — набрасываясь на холодную кашу в миске, спросил Марек.

— Разве вы не слышите, как разрываются от лая дворовые псы? — указывая на окно, удивился старик.

И действительно, с тех пор как закончилась месса, собаки за церковным двором не переставали гавкать и рычать, словно там собрались кошки со всего района.

— Но как же вы через них пройдёте, чтобы вернуться домой? — обеспокоился молодой человек.

— А вот возьму сейчас свой хлыст и сразу разгоню это дьявольское племя. Только ума не приложу, как наша пани Коханка могла спокойно пройти в город через такую свирепую собачью свору.

— Ну, так ведь она их постоянно подкармливает. Может, и подкинула им чего съестного, — предположил Марек.

— Ну да, ну да, — пробубнил клирик и направился к выходу из трапезной. Но, остановившись в дверях, вдруг спросил: — А что, там, пани? Молчит?

— В каком смысле? — уточнил диакон.

— Ну, о муже своём, сообщила хоть что-нибудь?

— Да откуда же она может о нём знать, — удивился Марек.

— Ох, уж мне эта молодёжь, хоть и святая, — покачал головой старик, недовольный таким ответом. — Ну, ничего, приедет епископ и мы её разговорим, а не то... — и он, многозначительно сжав кулак потряс им в сторону кельи пани Мынаж. — Разберёмся. И доброй вам ночи. Не забудьте только запереться.

Хлопнув входной дверью и щёлкнув на всю улицу снятым со стены кнутом, старик быстро засеменил в направлении церковной калитки, где, казалось, с каждой минутой возрастал злобный и сердитый собачий лай.

5 глава

«Сумасшедший старик», — рассуждал мысленно диакон, ложась спать. Подозрения клирика, высказанные им в отношении пани Мынаж, почему-то даже разозлили молодого священника.

Не прошло и пяти минут, после ухода отца Георгия, как за церковной оградой раздались щелчки хлыста и последовавший за ним собачий скулёж, судя по которому свора переместилась за кладбище, немного всё-таки поутихнув.

От Марека сон бежал. Сколько он не пытался читать про себя молитвы, сколько не зажимывал глаза, заснуть ему так и не удалось. Раскочегарив печь чуть не до красна, он скинул сутану и лёг поверх одеяла, оставшись в одной серой льняной сорочке с нашитыми на её длинные рукава крестами.

Неизвестно, какой шёл час ночи, когда вдруг обострившийся из-за тишины слух диакона, распознал в коридоре чьи-то осторожные шаги.

«Пани. Возможно девушку подняла нужда выйти во двор», — мелькнула у Марека мысль. Однако находившаяся рядом с его кельей входная дверь, которую он запер на засов, так и не скрипнула своими ржавыми петлями. А шаги между тем продолжали доноситься. В старинном

каменном здании причты любой шорох отражался эхом от стен и чтобы пройти по коридору неслышно, нужно было минимум перемещаться по воздуху.

Диакон подумывал уже встать и проверить, уж не нуждается ли пани в помощи, так как во всём здании находились только они одни, как вдруг дверь в келью чуть приоткрылась и в отблеске пышущей в поддувале ярко-красной золы он косым взглядом успел заметить метнувшуюся к его кровати тень.

Закрыв глаза молодой диакон стал с бьющимся сердцем ожидать, что пани его сейчас начнёт тормозить.

«Боже, но как же она посмела», — подумал Марек, охваченный агонией волнения и суеверного страха. «Появиться здесь, в келье священнослужителя. Ночью. Когда мы совсем одни. Помешалась. Да, именно так. Похоже девушка тронулась разумом, и я, как священник, должен быть лоялен и терпим к блаженной. Но что мне делать дальше? А как сейчас поступит она? Подождём. Подождём».

Секунды текли, а ничего не происходило. Молодой человек уже подумывал открыть глаза, как вдруг почувствовал, что кто-то запрыгнул на него. Вроде большого кота. Но проблема заключалась в том, что никаких котов в причте никогда не было. Их отпугивали постоянно блуждающие по церковной округе дворняги.

«Может сумасшедший старик Георгий запустил сюда этого кота? С него станется».

Диакон явно ощутил на груди четвероногое животное. Вот только оно оказалось невероятно тяжёлым. Настолько, что трудно было дышать. Решив скинуть нагло проникнувшую сюда живность, Марек положил на неё свои руки. Пытаясь ухватить за холку шерстяной комок, давивший на грудь так, что она начинала ныть, молодой человек вдруг нащупал на его голове два острых костяных отростка, словно он ухватился за рожки молочного козлёнка. Взявшись за них покрепче, диакон наконец скинул с себя неопознанное существо. При этом он сразу открыл глаза и приподнялся, чтобы получше рассмотреть его. Однако в поле зрения опять попала лишь тень, ринувшаяся тут же в приоткрытую дверь.

Продышавшись как следует, после избавления от тяжести на грудную клетку, диакон зажгёт свечу и прямо в исподнем вышел в коридор. Ни в одной стороне никого не было видно и слышно. Только сквозняк слегка подвывал где-то под каменными сводами потолка с крестообразной лепниной. Простояв в недоумении ни меньше минуты, молодой священник решил вернуться обратно к себе. Ведь поиски мелкого животного в таком доме, да ещё в крошечной тьме были заранее обречены на провал. Однако не успел он шагнуть в свою келью, как из конца коридора, где поселилась пани, раздалось характерное для открываемой или закрываемой двери звучание старых петель. Развернувшись, диакон направился туда. Вот уже и та самая дверь. Она закрыта, но из под неё несколько раз бегло полоснул лампадный свет и тут же исчез.

Марек прислонил к двери своё ухо. Тишина. Никакого шума из кельи не доносилось. Вытерев со лба струившийся от страха и волнения пот, молодой священник пошёл назад. Но лишь только он приблизился к своей келье, как за окном с остроконечной аркой, выполненной в том же едином готическом стиле причты и расположенном напротив входных дверей, что-то быстро промелькнуло. Вновь залаяли за оградой собаки, вызывая лишнее нервное напряжение.

Молодой диакон перекрестился и выставив свечу прямо перед собой посветил ей в окошко с морозными узорами на стекле. Церковный двор лежал как на ладони, но никого в нём не было видно. И всё же какое-то движение за выступом оконной арки Марек заметил. Чужак прислонился к стене и надеялся, что останется там незаметен, но собственная тень из-за света одинокой свечки полностью изобличала его присутствие.

Пытаясь не поддаваться панике, перепуганный донельзя молодой человек закрыл свечу ладонью и стал отступать от окна в глубь галереи. За стеклом тут же появилось тёмное широкое пятно. Непроизвольно убрав ладонь и осветив вновь окно, диакон увидел за ним обезображенное лицо незваного гостя. Это был пан Мынаж собственной персоной. Только выглядел

он уже иначе. Толстая нижняя губа была словно надорвана и её часть уродливо отвисала до подбородка, открывая злобный оскал из кривых и редких зубов. Щёки тоже румянились свежими бугристыми ранами. Один глаз оплыл и сомкнул свои опухшие синие веки, а другой глаз злобно и даже можно сказать дьявольски светился. Надлобные дуги сдвинули мохнатые брови к выступающей, перебитой словно ударом лопаты, широкой переносице, делая облик мельника ещё более устрашающим, будто каждая его черта дышала невероятной жестокостью и ненавистью ко всем людям планеты.

Молодой священник не выдержав волны дикого страха, завладевшего каждой клеточкой его тела, выронил свечу и безудержно, громко закричал. При этом пятясь назад от окна он оступился и упал, ударившись вдобавок головой о стену.

Громкий стук во входную дверь, разбудил молодого диакона тогда, когда на улице уже совсем рассвело. К своему изумлению он лежал на полу и почти не чувствовал онемевший от холода правый бок. Тряся головой и хватаясь руками за воздух Марек кое-как поднялся и отодвинул дверной засов.

— Ну, знаете, это уж слишком, преподобный! — закричал на него с порога ворвавшийся в здание клирик, метая глазами настоящие молнии. — Нельзя же так спать. В конце концов через пять минут утренняя литургия и прихожане уже с нетерпением ждут нас в костёле.

— Да, да, сейчас, — запинаясь, пролепетал молодой диакон. И держась за голову, звенящую словно колокол, он направился в свою келью, чтобы как можно скорее облачиться в подобающее его сану одеяние.

Когда молодой священник выходил из дома, то заметил как пани Коханка шла по галереи причты в направлении кельи девушки. И это немного напрягло его.

Во время церковной службы мысли диакона не давали ему сосредоточиться на молитвах и он постоянно путался в них к огромному недовольству паствы и старика клирика. А ещё, сразу после проповеди, Марек ожидало отпевание, которое по традиции он должен был провести в часовне. Некая старушонка решила отдать Богу душу, собрав на церемонии прощания целую толпу родственников. Именно среди них и пошёл разговор о странных следах вокруг кладбища. Будто бы пришедшие рано утром копать могилу рабочие даже видели огромного волка, рыщущего около да рядом и вскоре скрывшегося в ближайшем лесу. А потом эти же рабочие нашли у кладбища и пару задранных бродячих собак.

Когда диакон наконец освободился от своих обязанностей, то первым делом направился осматривать место под окном причты, в котором видел ночью так ужаснувшее его лицо. Сейчас, при дневном свете и рассеявшихся с ним страхах, Мареку не хотелось вспоминать о своём постыдном поступке. Как же он вероятно напугал и без того замученную пани вырвавшимся у него тогда криком.

День был очень хмурым. Промозглый ветерок пронизывал насквозь, небо закрывало серое, глухое одеяло, иногда осыпая на землю, словно перья, белые снежные хлопья, которые из-за плюсовой температуры тут же таяли и образовывали грязные лужи.

Диакон подошёл к окну и стал внимательно осматривать под ним рыхлый наст. На пепельной снежной корке виднелись чётко отпечатанные следы обуви большого размера, тянувшиеся до самой калитки кладбища.

Молодой священник сразу почувствовал, как по всему его телу вновь пробежали предательские, леденящие мурашки.

Войдя в причту он захотел навестить пани. От одной мысли о встрече с ней, сердце его бешено заколотилось. Что он ей скажет? Как объяснит свой ночной крик? Рассказывать девушке о том, что её муж приходил сюда ночью, нечего было и думать.

Идя по галерее диакон вдруг заметил на каменных плитах пола странные пятна бурого цвета. Осмотрев и потерев их даже пальцами, молодой священник понял, что это кровь. Но

чья она? Откуда? И тут в его памяти внезапно всплыла картинка вечернего посещения кельи пани Мынаж. Там на полу он тогда видел точно такие же пятна. Значило ли это то, что пани ночью всё-таки ходила по коридору, выяснить сейчас было уже нельзя. Она могла вставать и утром, и тогда, когда велась литургия. Ночью же в темноте бурые пятна заметить случайно не представлялось возможным.

«Надо бы подобрать девушке хоть какую-то обувь», — подумал Марек.

Постучав в дверь кельи священник услышал приглашающий войти ответ. Девушка лежала на кровати всё в том же одеянии, а другого у неё и не было, и мило улыбалась. Кувшин на столике оказался пуст, а кусок хлеба съеден.

— Добрый день, пани Мынаж, — поприветствовал её диакон севшим голосом. — Как ваше самочувствие? Как вам спалось?

— Впервые за долгое время; я и выпалась, и ощущаю себя прекрасно, — ответила она, не сводя с молодого человека пристального взгляда своих огненно-зелёных глаз.

— Тогда я сейчас попрошу нашу помощницу, пани Коханку, принести вам чего-нибудь поесть, — сказал дрожащим от волнения голосом Марек.

Сейчас его голову терзали совсем иные мысли. Он удивился, что девушка ни словом не обмолвилась о ночном крике. А не слышать его, она не могла.

— Если бы у меня была обувь, я сама заглянула к вам в трапезную.

— Поговорите об этом с нашей церковницей пани Коханкой, может она подберёт вам что-то из тех вещей, которые иногда нам приносят для раздачи нуждающимся зажиточные прихожане. И разве пани не принесла вам с собой еды? Я же видел, как она к вам шла.

Девушка странно вздрогнула, помрачнела и закусил губу. Но затем, словно взяв себя в руки, мило, но явно фальшиво, улыбнулась и ответила:

— Нет, нет, вам показалось, либо пани шла не сюда. Ко мне за ваше отсутствие ещё никто не заходил, — и не дав молодому человеку опомниться, чтобы задать тот же вопрос, спросила его:

— А что, насчёт моего мужа? Его скоро поймают? Долго ли мне ещё здесь жить?

— Ничего не могу пока вам ответить, — поморщившись от всплывшего в памяти ночного кошмара и жуткого лица в окне, ответил молодой священник, опуская глаза. — Ждём возвращения преподобного отца Вита. А до его приезда мне даны указания охранять вас и беречь, как ценного свидетеля преступлений пана Мынажа.

Священник как бы намекнул, что девушке придётся здесь в любом случае задержаться, даже если она может уже самостоятельно передвигаться. И она похоже это прекрасно поняла.

Покачав понимающе головой, пани откинулась на подушки, показав этим, что говорить им больше не о чем и она хочет теперь остаться одна. Но только диакон отворил дверь, как девушка издала стон, чем привлекла к себе вновь внимание. Марек обернулся и увидел, как пани чуть приподняла руку и едва заметным движением поманила его к себе. Её глаза настолько сияли, и так вожаденно смотрели на него, что молодой священник повиновался, как под гипнозом. Молитвы вновь повывлетели из его головы и ощущая доселе неведомое чувство, от которого тело молодого человека дрожало и горело огнём, он приблизился к пани вплотную. Следуя призывающим движениям девушки священник склонился над самым её лицом. Рыжеволосая красавица странно улыбнулась и испустила длительный выдох. Диакон невольно отдёргнул голову, но обвившие его шею девичьи руки, заставили священника глотнуть самого мерзкого и очень похожего на трупный яд, к тому же ещё и ледяного воздуха. Преподобный Марек безудержно закашлял и ощутил даже лёгкое головокружение, безуспешно пытаясь отстраниться от девушки. Через пару секунд смрадный дурман развеялся и молодой человек почувствовал на своём лице дуновение самого обычного тёплого человеческого дыхания.

Когда девушка разомкнула объятия, диакон почему-то вспомнил об упавшем за спинку кровати распятия и потянулся, чтобы попытаться достать его и повесить обратно, но пани резко перехватила руку священника и нежно прошептала:

— Не надо.

Преподобный Марек поднялся и держась за грудь, которую неприятно давило изнутри, что-то похожее на застрявший в трахеи кусок ржаной горбушки, быстро покинул келью.

6 глава

К вечерней мессе молодой священник оказался уже не готов. Весь день он провёл в своей келье, с трудом сдерживая так внезапно возникшие болевые ощущения в груди. Пришлось клирику Георгию и мальчишке ризнику Янешу проводить вечернюю службу без диакона.

А когда на землю опустилась мгла молодой священник и вовсе сник. Но не телесным здоровьем. Просто ночные страхи прошлой ночи вновь пробудились в его голове.

Благо старик Георгий неожиданно сообщил, что до возвращения отца Вита останется жить в причте. Якобы причиной тому послужила неожиданная хворь Марека.

— Да и за гостьей нашей надо бы приглядеть, — признался вдруг клирик, подозрительно посмотрев на молодого диакона. — Чтобы не сбежала от случая, и вообще...

Что ещё имел ввиду старик, преподобный Марек так и не узнал. Но клирик сообщил, что девушка днём сама приходила в трапезную и даже общалась с пани Коханкой, которая подобрала ей обувку.

— Похоже, что в отличие от меня, наша старая ведьма тоже не совсем поняла, кто именно перед ней.

«Наверное это и показалось старику странным», — подумал с усмешкой преподобный, не желая более выслушивать причудливые выдумки не вполне нормального пожилого мужчины.

Рассказывать клирику о своём ночном приключении и результатах расследования диакон тем более не стал. И из-за нежелания быть высмеянным, что ему якобы мерещится всякая невероятная чертовщина, и потому, что старик сочтёт его трусом, не сумевшим задержать колдуна.

— Это святая вода, пейте её пока не полегчает, — сказал напоследок клирик, оставив на столике кувшин. — Я сам освятил эту воду именем Христа и молитвами за ваше здоровье.

Когда старик ушёл в соседнюю келью, преподобный Марек, осушив кувшин почти полностью и вправду ощутил сразу некое облегчение. Грудная жаба отпустила и задышалось намного свободнее.

К ночи похолодало и молодой священник решил протопить у себя печку, а заодно и заглянуть к пани. Вот только ему совсем не хотелось, чтобы об этом узнал старик Георгий. Громко пройдя несколько раз по галерее с охапкой дров и хлопнув два раза входной дверью, диакон тихонько вернулся в коридор и в полной темноте направился к келье пани Мынаж.

Из комнаты девушки не доносилось ни звука, но священник почему-то чувствовал, что она не спит. Сердце его забилось, ладони вспотели, а к горлу подступил удушающий от волнения ком. Неожиданно он услышал позади себя скрип дверных петель и шорох. Резко отступив к стене и заглянув за изгиб галереи, Марек увидел, что кто-то выскользнул из кельи, которую занял старик Георгий. Только это была кошка, а не человек. Тёмный пушистый комок пробежал неслышно к келье девушки, где когтистой лапой приоткрыл дверь на столько, чтобы спокойно скрыться за ней.

Молодой священник немного опешил. «Всё-таки у нас в причте поселилась кошка или кот. Ну, что же, теперь хоть понятно, что я не сумашедший».

Келья клирика тоже была заперта, поэтому диакон тихонько постучался к девушке.

«Боже, но что я делаю? Что скажу ей? Ведь у меня нет даже фонаря. И почему меня туда так тянет?»

В ответ на свой стук диакон получил едва слышное приглашение войти.

Девушка лежала в крошечной темноте.

— Доброй ночи. Как вы себя чувствуете, пани Мынаж? — справился у неё тихо священник, совершенно ничего не видя, так как даже печь в келье никто похоже не растоплял.

— Просто превосходно, — последовал ответ со стороны кровати. — А вы как себя чувствуете?

— Хорошо, — растерянно соврал диакон.

«Интересно, кто проболтался ей, что я болен».

— Но почему вы мёрзнете? Давайте я растоплю вам печь, — неожиданно предложил он пани свои услуги.

— Нет, нет, лучше подойдите ко мне, — отозвалась девушка со странной интонацией в голосе.

Сжавшись внутренне, но преодолевая страх, диакон подошёл к девушке. Он ещё не забыл, как она обняла его днём и странно дынула ему в лицо. Потому и старался держать дистанцию. Но возле кровати что-то зашевелилось у него под ногами и больно царапнуло.

«Опять кошка», — подумал молодой священник и, махнув наугад ногой, но ударившись о кровать и потеряв равновесие, упал.

В ужасе попытавшись сразу вскочить, он обнаружил, что койка пуста. Зато на грудь ему тут же запрыгнул комок шерсти и придавил своим весом так, что диакон не мог пошевелиться. В крошечной тьме сверкнули зелёные глаза и молодой священник уже различил черты лица пани Мынаж.

Это была она!

«Но куда же делось это надоевшее мне животное? Господи и почему пани вдруг оказалась на мне?»

Но сколько диакон не силился, встать ему не хватало сил. И даже скорее не физических, а душевных. Он весь загорелся страстным огнём, какой охватывает только любовников после долгой разлуки. Уже через секунду его голову обхватили тёплые нежные ладони и на своих губах он впервые ощутил, что такое женский поцелуй.

«Это конец», — пронеслось у молодого человека в голове. «Это полный конец».

Так и не вспомнив ни одной молитвы диакон беспомощно поплыл по волнам неведомых ему доселе грёз. С улицы стал доноситься собачий лай. Он-то похоже и разбудил старика Георгия, потому что в коридоре грымнула дверь, лязгнув засов и раздалось знакомое бурчание. Девушка прервала свой поцелуй и похоже насторожилась, прислушавшись ко всем этим звукам. Диакону хватило её секундой передышки для того, чтобы отстранить от себя и подняться с кровати. От резкого скачка у него закружилась голова. Он скорее интуитивно нащупал дверь и выбежал из кельи девушки. Виски его стучали, а в глазах двоилось, но собрав все силы в кулак, молодой священник добрался до своей комнаты и сном рухнул на кровать.

На улице же творилось нечто невообразимое. Настоящая собачья свара, которая оглашала диким безудержным лаем всю округу, постепенно удаляясь от церковного двора под режущие слух удары хлыста и брань клирика. Что кстати даже очень удивило молодого священника, потому как ранее он за ним подобного не замечал, да и служителю церкви не пристало выражаться подобным образом.

Однако инцидент в келье пани Мынаж не выходил у диакона из головы и он с ужасом осознавал свой проступок и слабость собственной воли, которая его не слушалась в присутствии прекрасной девушки.

«Что она натворила? Как посмела поцеловать меня? И почему я не отверг её сразу?» Молодой священник лежал ни жив, ни мёртв и придумывал покаянное наказание для себя, когда собачий лай перестал доноситься до его слуха, а в коридоре вновь грымнула входная дверь.

Всю ночь несчастный грешник карил себя, но никак не мог забыть того поцелуя, которым так щедро его наградила замужняя пани.

Наступил новый день. Сначала хлопнула входная дверь, а затем в его келью постучались. Как оказалось, это была церковница пани Коханка. Войдя с разрешения диакона, старуха с порога понесла какую-то словесную ахинею.

— Святой отец, будьте внимательны к нашей гостье, только ни как к девушке, а как к нуждающемуся в помощи человеку. И не спускайте с неё глаз ни днём, ни ночью. Таков вам мой совет.

— Что вы имеете ввиду? — чураясь только одного взгляда пожилой пани, спросил он.

— Я вчера разговаривала с отцом Георгием и он очень враждебно отзывался о нашей гостье, что, как я понимаю, вызвано его чрезмерной природной ненавистью ко всему женского рода вообще. Ведь он никогда не был даже женат. Поэтому не подпускайте его близко к молодой пани. Чего доброго он ещё навредит ей своими ложными прозрениями и догмами.

— Разберёмся, — откидываясь на подушку пробубнил диакон. — И оставьте меня сейчас в покое, прошу вас, — попросил раздражённо молодой человек, странную старуху, подозревая, что имеет дело с не совсем нормальной женщиной.

Пани недовольно фыркнула. В дверях она обернулась и погрозив пальцем, хрипло прошептала:

— Вы служитель церкви, не забывайте об этом. И вы не вправе отказывать в помощи мирским людям, ибо добровольно вступили в святое воинство. Загляните же в своё сердце, пока ещё не поздно, услышите и увидите нутром души своей, чего оно хочет. И тогда вы поймёте, как вам следует поступить.

«Тоже мне святая угодница», — подумал диакон, когда остался один. «Они с отцом Георгием достойны друг друга. Оба чокнутые».

Но только он вновь сомкнул глаза, как пришёл клирик. Старик сразу увидел, что молодой диакон по-прежнему не в состоянии проводить литургию. Хотя он и сам выглядел весьма посредственно. На его одутловатом лице читался явный недосып, чему свидетелями являлись опухшие, опущенные наполовину веки и оттопыренные мешки под глазами.

— Похоже, что пока отец Вит вернётся, мы все здесь сойдём с ума, — перекрестившись при выходе, проронил он.

«Всё таки я прав. Со стариком тоже не всё в порядке», — подумал устало диакон.

В дремотных мыслях он осознанно возвращался в юные годы, когда будучи беззаботным сорванцом, ни разу не помыслившим ещё в силу возраста о любви к противоположному полу, был переведён из богословской школы Латинской церкви в высшую семинарию Плоцкой епархии. Да и откуда ему было познать ту земную любовь, если он с раннего детства жил, рос и воспитывался в монастырской среде. Ведь своих родителей Марек не знал. Его осознанная память брала своё начало от существования уже в церковных пределах и последующем познании библейских законов католицизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.